

Глава 30. Большая удача Акима Кылбанова.

Как и когда приходит к человеку удача? Золотое яблочко вдруг падает в руки, а откуда и как — никакой Ньютон не объяснит.

Началась новая четверть, и Кылбанов налёг на задачки: во-первых, сразу возрастает число оценок — откройте журнал и увидите, что физик не ест хлеб даром; во-вторых, выпускные экзамены. Задачки на выпускных год от года сложнее. Если этих сорванцов не поднатаскать в году, опозорят на весь район.

Пестряков представил Кылбанова к значку «Отличник народного просвещения». Однако инспектор в роно — Кылбанов уже побывал там — чего-то мнётся: то да сё... Не подложил ли ему свинью Аласов?

Размышления об Аласове не мешали Кылбанову внимательно наблюдать за классом: не списывают ли.

Да, Аласов — штука исключительная: являться каждый день в школу, где тебя видеть не могут! Завуч смотрит на него как на пустое место. Сосины и Марфа Белолобская, увидев отщепенца, спешат перейти на другую сторону улицы. Что же касается его, Кылбанова, то он, напротив, не сторонится Аласова — с какой стати ему пугаться вчерашней тени! А кроме того, незачем лишать себя удовольствия: иной раз такую шпильку сунешь Аласову, что тому целый день присесть не на что... Помнишь, как ты меня трепал на педсовете? Теперь отольются тебе мои слёзы. И вот что любопытно — даже любовница Аласова, пресвятая Майя Унарова, похоже, откачнулась от него в последнее время. Что-то расстроилось, пробежала между ними чёрная кошечка. С тех пор как Аласов вернулся из района, Майя и не глядит на него. Поделом тебе, Аласов! Верно сказано про гордеца: останешься ты в рубище, без друзей и жены, и некому будет омыть твои язвы.

Внешне он ещё петушится, ещё хочет сделать вид, что всё это его мало волнует. Затеял в своём кружке следопытов встречу с участниками гражданской войны. Отрывает десятиклассников от учёбы, в самые-то ответственные дни! Понятное дело, мальчишкам интереснее вечера устраивать, чем над задачками сидеть, они за Аласовым бегают, как собачки. По его приказу терзают деревенских стариков, записывают в тетрадки их рассказы. Хотят устроить музей при школе!

Кылбанов, узнав об этой затее, остроумно заметил в кругу учителей: первым экспонатом в музее будет бутылочка с надписью: «Дух, оставленный С.Э. Аласовым». Чтобы никто не сказал, будто от Аласова в школе и духа не осталось. Ха-ха-ха!..

Или Аласов надеется этими торжественными вечерами замолить грехи перед школьным начальством? Наивный человек! Ты хоть пляши перед

Пестряковым и Кубаровым — тебя ни в каком виде терпеть не могут, вот ведь в чём гвоздь!

Ага, кое-кто из школяров, кажется, уже справился с контрольной. Брагин, Лирочка Пестрякова, Тегюрюкова... Но не сдают тетради, поджидают других оболтусов, которые будут мусолить задачки до самого звонка. Ох, уж эти хитрости юных созданий! Думают, что можно опытного учителя на чём-то провести. Ладно, пусть делают вид...

Последний фокус Аласова совсем уж на грани разумного. Идут в школе уроки, вдруг в учительской звонок — сам секретарь райкома партии товарищ Сокорутов. Директор бегом в класс к Аласову: телефон! А тот при школьниках чванливо так отвечает: пусть секретарь позвонит потом, я, видите ли, в настоящее время на уроке. Тут даже благодушный Фёдор Баглаевич не выдержал, вышел из себя, затопал ногами: «Имейте совесть, ведь в райкоме партии ждут!»

Делать нечего, пришлось Аласову идти к телефону: «Я слушаю». Передают, что разговаривал он с секретарём так безобразно, что поверить трудно. Секретарь, видимо, спрашивает: что же происходит, почему вы не в Бордуолахе, как прикажете это понимать? Указание райкома партии для вас есть закон или нет? А этот в ответ предезко: «Я, товарищ Сокорутов, всегда выполнял и буду выполнять партийные законы, но вы для меня, извините, ещё не партия». И, уже совсем распоясавшись, стал в трубку читать секретарю райкома мораль: «Я бы посоветовал вам, товарищ Сокорутов, не спекулировать именем партии...»

Марфа Белолобская, которая оказалась на тот случай в учительской, рассказывает, что от этой морали трубка вдруг так зарычала, что мороз по коже прошёл. А Аласову хоть бы что!

Между прочим, за последние дни в десятом классе снова забродили старые дрожжи, опять назревает бунт. Как же, есть предлог похулиганить: их любимого учителя хотят перевести в Бордуолах! Надо вовремя предупредить завуча.

Минуточку, чем это занялись мои прекрасные ученицы? Вера Тегюрюкова упёрлась лбом в парту, хихикает, похоже, книжка у неё. Подружка её Нина Габышева тоже тянется, хочет заглянуть...

Кылбанов, неслышно ступая, подошёл к девице, сунул руку в парту и вытащил толстую тетрадь в голубой обложке. Девчонка взвилась:

— Отдайте! Аким Григорьевич, прошу, отдайте!

И подружка её тоже вскочила, глаза отчаянные:

— Как вы смеете?

— А вот и смею, дорогие мои, — ответил Кылбанов негодницам. — Тетрадь получите после звонка.

Прикрыв тетрадь классным журналом, Кылбанов снова углубился в свои мысли. Но подружки никак не давали ему сосредоточиться — Тегюрюкова уткнулась лицом в парту, горе у неё великое! Габышева, красная как морковка, возмущённо выговаривает ей. Чем они так встревожены, что это за тетрадочка голубая?

Любопытствуя, Кылбанов отогнул обложку. Ба! «Дневник Нины Габышевой». Вон, оказывается, каким чтением забавлялись подружки...

На первой странице переводная розочка и старательным почерком: «Писать правду, и только правду!»

Ишь ты, ещё один борец за правду. Что же это за правда у девочек, с чем её едят?

«...В последнее время наши взяли глупую моду: только соберутся вместе, начинаются разговоры про парней — тот хорош, этот плох...»

Эх-хе-хе, всё понятно. Девушки в возрасте!

«Светлане мать привезла из города подарок — капроновую комбинешку, отделанную кружевами. Сегодня она хвастала ею, то и дело приподымала свою юбочку и показывала. Кое-кому, конечно, завидно».

Приподымала в классе? Ай да Светочка!

«Что я сегодня заметила — у Юрки Монастырёва пух на губе, очень смеялась: Юрка — и усы! Смешно...»

А вот про учительницу.

«...Степанида Степановна прочитала по-немецки стихотворение Генриха Гейне. Как девушка радуется и страдает, ожидая любимого. Стихи о любви — чистые, романтические! Очень хорошее стихотворение! И прочла его Степанида Степановна как настоящая артистка. Как было бы хорошо знать немецкий язык, как Степанида Степановна, прочесть всего Гейне в подлиннике, поехать в Германию и разговаривать с немцами на их родном языке!...»

Эта выжига Степанидушка, оказывается, в классе читает стихи о любви. Совсем свихнулась на половой почве.

Кылбанов начал быстро листать страницы дневника — где-то вдруг мелькнуло его собственное имя. Ага, вот оно. Так, так...

«Аким Григорьевич будто всё время что-то вынюхивает, водит носом, как собака...»

Как собака! Смотри-ка на негодницу, уподобить учителя собаке! Ого, и про Аласова есть.

«Сегодня наконец разгадала загадку, которую долго не могла разгадать. Оказывается, я по-настоящему влюблена в Сергея Эргисовича! Да, да, влюблена! Он — рыцарь мой!»

Кылбанов не поверил глазам своим, перечитал строки о любви к Аласову ещё раз и ещё. Товарищи дорогие, да это, пожалуй, и на самом деле интересно! Наш критикан, наш боевой жеребчик, оказывается, выступает в роли «рыцаря» несовершеннолетних школьников! Ну и ну...

Раздался звонок. Быстро собрав контрольные, Кылбанов устремился к выходу.

— Аким Григорьевич, тетра-ады! — с криком бросилась за ним Вера Тегюрюкова, но учитель даже не обернулся.

С чего начать? Нужно прежде всего хорошенечко обляпать Аласова в лицо и только после этого бросить на стол перед завучем тетрадь. Хотя, пожалуй, просто выложить — не тот эффект. Надо бы ещё почитать дневничок детально. Не будем торопиться.

На выходе из школы, словно собачка, под ноги кинулась к нему несчастная Тегюрюкова, вся в слезах:

— Аким Григорьевич, прошу вас! Вы же обещали отдать... Аким Григорьевич, прошу вас!

— Всё в своё время, Тегюрюкова! Обещал вернуть, так верну.

Он попытался обойти девушку, но тут на его пути выросли сразу трое молодцов из десятого класса — лоботрясы, каждый на голову выше учителя.

— Аким Григорьевич, — сказал Монастырёв угрожающе, — сейчас же верните. Чужой дневник не читают без разрешения хозяина.

— Ты, мальчишка! С кем разговариваешь? Разве с учителями так разговаривают? — прищипнул на него Кылбанов. — Я ли не знаю, что можно и чего нельзя? Отойди-ка с дороги!

Парень не сдвинулся с места.

— Верните... Лучше верните, Аким Григорьевич...

— Дневник — всё равно что письмо. А чужие письма читать воспрещается, — вмешался и Брагин. — Так записано в Конституции! — У комсорга класса от волнения даже очки сползли с носа.

— «В Конституции»! Знатоки какие! Я вам покажу Конституцию! — Кылбанову пришлось буквально силой пробиваться сквозь неожиданный заградотряд. Вот ведь какая молодёжь пошла!

Дома Кылбанов долго не мог прийти в себя. Лишь успокоившись и пообедав, он вновь принялся за дневник, предварительно заложив дверь своей спальни на крючок — неизвестно зачем. Тетрадь оказалась на редкость интересной.

Нужно отдать справедливость девчонке, критические её уколы были направлены не только в адрес одного физика Кылбанова, доставалось и другим коллегам. Да так метко схватывала, чёртова девка!

«От Сосина пахнет свиным катухом...»

Точно! Как-то чудак забыл переодеться, появился в школу прямо из свинарника.

Или вот о Тимире Ивановиче:

«Всегда холодный — не человек, а холодильник».

Ох-охо! Пускай-ка завтра почитает о себе правду наш важный завуч! А вот супружница его в дневнике явно приукрашена:

«Надежда Алгысовна в этом году помолодела, переменялась! Она, оказывается, красивая — как я раньше этого не замечала! И характер у неё, оказывается, не злой. Одного не могу понять: как она могла выйти замуж за Тимира Ивановича?»

Было в дневнике и много всякого другого — о книжках, подружках и прочих пустяках. Но главным предметом был Аласов. Любовь к Аласову, мечтания об Аласове... То, что Кылбанову давеча бросилось в глаза, было только самое начало. Дальше девушка почти на каждой странице писала о Нём — каких только нежных эпитетов, каких признаний не удостоивался избранник её сердца! Он красивее всех мужчин на свете, он отважнее и умнее всех. Совершенный портрет героя из какого-нибудь старинного романа!

Погоди-ка, а как же сам-то он относится к этой неистовой любви? Кылбанов стал листать взад и вперёд, но точной записи, определённого ответа на столь важный вопрос не попадалось.

Было лишь нечто примерное, вроде:

«Сергей Эргисович сегодня меня назвал «Ниночка»... Не «Нина», а так и сказал: «Ниночка». У меня даже уши запылали. Почему он так сказал?»

Действительно, — «Ниночка»!

Или такое свидетельство:

«Сергей Эргисович пригласил меня на танец. Когда он взял меня за руку, мне показалось, что у меня остановилось сердце».

Когда же это? Э, да в новогодний вечер, на школьном балу. Действительно, танцевали — Кылбанов это помнит.

Ага, поездка на охоту — парни с девками! И учитель с ними, их пастырь и наставник.

«Лира с Гошей, Вера, Брагин ушли вперёд, мы отстали — Ваня Чарин да я. И Сергей Эргисович. Я шла рядом с ним! Шла и внимательно наблюдала за каждым его движением. До чего он энергичен, ловок. Каждый его жест красив! Вот он опередил нас, остановился и ждёт меня. Если я упаду, то поднимет за руку и поставит на ноги. Смеётся над моей неуклюжестью. Один из самых светлых дней в жизни!»

Пожалуй, достаточно. С такого крючка не сорвёшься, друг Аласов! Важно только не продать дневник дёшево, не упустить своего.

Кылбанов вскочил с кровати и лихорадочно стал натягивать штаны. Наш первый номер — сам Аласов. Вот это ход так ход!

— Хозяечка дорогая, принимай гостя!

— Здравствуйте, Аким Григорьевич. Раздевайтесь. — Баба Дарья тут же взялась за самовар.

— Сынок-то дома?

— Дома. В комнате у себя. А вы как живёте, Аким Григорьевич?

— Один из ста!

Наливая воду в самовар, старуха покосилась на развесёлого гостя.

Услышав голоса, из своей комнаты показался Аласов. Глаза вытаращил, увидев Кылбанова. Долг платежом красен — помнишь, как ты сам ко мне ввалился однажды, незван-непрошен?

— Ну, расскажи, Аким Григорьевич, — проямлил Аласов, когда уселись возле стола.

— На мои рассказы мешка не хватит...

Бедновато, бедновато живёшь, гордый человек! Разве что книжек много, когда и успел натаскать. Незаметным движением Кылбанов ощупал тетрадь во внутреннем кармане пиджака. Подождёшь ещё — с какой стати я стану выкладывать тебе с ходу? Подожди, потомись. Вот сидишь, ломаешь голову: зачем Кылбанов и почему? Вовек не догадаешься!

Слава богу, наконец-то неповоротливая баба Дарья управилась с самоваром, пригласила к чаю. Кылбанов окинул прищуренным оком стол.

— Эге, что же это вы... Неужто в вашем хозяйстве самого главного не водится? Сергей Эргисович, если помнишь, я-то тебе бутылочку выставил. Должок за тобой! У якутов говорится: лучше гостя обругать, чем не угостить.

Старуха, устыдившись, метнулась на кухонную половину.

Не то чтобы Кылбанову на самом деле очень уж требовалось пить; просто захотелось поозорничать, поиграть силушкой, властью, покуражиться над этими человечиками, которые теперь в кулаке у него. Сегодня Кылбанов хозяин положения! Узнай Аласов, что у меня в кармане, наверно, не пожалел бы выложить на стол всё, что только имел — не то что паршивую бутылку. А ведь покривился как! Не понравилось! Погоди у меня...

Баба Дарья выставила стопочки с золотой каймой.

— Вот так гостевали бы друг у друга, глядишь, того-сего, познакомились поближе, подружились.

— Затем и явился, — охотно отозвался Кылбанов.

Чокнулись. Выпили.

— Ого, вы, Сергей Эргисович, тоже, оказывается, потребляете!

Аласов промолчал, за него ответила матушка:

— Из уважения к вам...

Верно, Аласов, давай уважай меня. Да как следует уважай! Он пристально посмотрел на хозяина. Вот чёрт, с виду и впрямь недурен собой. Потому что не курит, зубы белые, ровные, как у бабы. Брови рожками, чуб лихой. Что ещё нужно женщинам! Был бы дюжий мужик, остальное простят! Вот ведь ничего у него нет, голодранец, да и ума не слишком богато. А бабы виснут! Из-за белых зубов да широкой кости.

Природа, природа! К одному она чересчур щедра, к другим скупее скупца. За какую провинность родился он, Кылбанов, таким неприглядным, что и в зеркало смотреть противно? За какую вину его наказали — в школе сверстники иначе и не звали, как «гориллой». Глаза узкие, веки толстые, красные. Ни разу в жизни ни одна дура не то что ласкового слова не сказала, даже не посмотрела приветливо. Теперешняя жена раньше была замужем за стариком, убежала к Кылбанову от большой нужды. Двое некрасивцев сошлись — да так и живут который уже год.

Люди часто рассуждают: если я внешностью не взял, то уж тем более обязан о своём положении позаботиться, побольше денег загрести — с ними полубит и раскрасавица. Но ведь и тут Кылбанов пока не преуспел — учителем начинал, учителем и остался!

Аласов, видя, что гость задумался о своём, стал проявлять нетерпение. Подождёшь, подождёшь, красавец. Не торопясь, хозяйской рукой Кылбанов налил из бутылки ещё по стопке.

— Я, баба Дарья, человек прямой, — сказал он, адресуясь к старухе, напряжённо застывшей возле самовара; на Аласова демонстративно не обращал внимания. — Я, баба Дарья, больше всего на свете доносчиков не люблю. «Стукачей», как мы их на Севере называли, где мне пришлось поработать. — Он на минуту утерял нить, быстро разомлев от водки и горячего чая. — О чём я? Да, о доказчиках, о критиканах... Не люблю, которые при народе глотку дерут. Но пуще всего тайных не люблю. Ненавижу! Которые тихо, по ночам — царап, царап... Подгрызают человека с затылка. На товарища своего куда-нибудь в роно, в министерство... — В этом месте Кылбанов выразительно, как ему показалось, глянул на Аласова. Рожа у того была свирепейшая. Ничего, любезнейший, ещё немножко потерпи!

— Ну тебя, Аким Григорьевич, с такими разговорами! — старушка замахала на Кылбанова руками. — Доносы на товарища... Да разве можно, того-сего, людей с затылка-то подгрызать?

— Вот и я говорю! — ничуть не смутился гость. — Иные кляузничают, сутяжничают, доносы на товарищей пишут, а так посмотреть — ради чего? Вот сегодня по радио передавали — американцы опять испытывали бомбу. Кинут они эту штуку — и капут всей земле. И тем, кто пишет заявления, и тем, на кого пишут, — все превратимся в золу. Читал где-то, один учёный проделал опыт. Облучил крыс, а от них родились другие крысы — без шерсти и костей, вроде змеёнышей. Будет атомная война, превратимся мы с вами, баба Дарья, в змеёнышей, ползать будем. Ха-ха!

— Грех какой! Наговорил, уши бы не слышали.

Старуха быстро допила свою чашку, перевернула на блюдце:

— Вы уж гостуйте, а мне к корове надо. Извините, если что...

Без старухи говорливость Кылбанова как рукой сняло: остался один на один с Аласовым и заробел. Торопливо выпил остывший чай, поднял глаза на хозяина:

— Слушайте, Аласов, я люблю говорить прямо.

— Я тоже.

— Тогда к делу. Имеются сведения, что вы в райкоме партии заявили, будто в погоне за высокими процентами я умышленно завышал оценки учащимся. Заявлял такое?

— Заявлял.

— Кому заявлял?

— Секретарю райкома Сокоуротову.

— А ещё кому?

— Секретаря райкома недостаточно?

— Гм... И что же он на такие ваши слова? Чего вы добились, Аласов? Жалоба-то оставлена без последствий?

— Рано радуешься, Кылбанов.

— То есть ещё будешь жаловаться? Или уже послал?

— Если потребуется, могу и послать. Скрывать обман не стану.

— Нет, Аласов, станешь! Будешь ходить с невидящими глазами и с неслышащими ушами. И вид у тебя будет жалкий... — Кылбанов откинулся на стуле, вытянул ноги. — Сиди, сиди, не вставай. Вы, товарищ Аласов, очевидно, вскочили со стула, чтобы схватить меня за ворот и выкинуть во двор? Советую не делать глупостей. Прежде всего о слухах, какие вы обо мне распускаете. Ну подумайте, разве от того, что вы на меня напишете, у вас заведётся длинная шуба? С Пестряковым можете сутяжничать сколько угодно, тут я даже могу дать полезные советы...

— Хватит, Кылбанов!

— Не торопитесь, слушайте. Судьба ваша в моих руках. Если я захочу — о! Ничего не поняли, да? Так слушайте. Вы разложились в морально-бытовом

отношении. Сидите, сидите... Вы занимаетесь любовными интрижками с ученицами, которых обучаете. Скажете, ложь? Доказательства у меня в кармане. Дневник одной из ваших любовниц-девочек... — Кылбанов показал краешек тетради, не вынимая её из кармана. — Я ведь из жалости к вам. И не очень много мне нужно. Во-первых, твёрдое обещание, что вы не будете больше предпринимать ничего...

Аласов встал во весь свой рост — в страхе вскочил и Кылбанов. Лицо у хозяина дома было такое, будто его в горячие уголья сунули.

— Выметайся отсюда. Немедленно... Сволочь! — Он выдернул руку из кармана, Кылбанов шарахнулся к стене.

— Ну-ну, ты! Не по-одходи!.. — Пятясь вдоль стены, гость добрался до двери, как был, выскочил во двор, на мороз.

Аласов швырнул вслед пальто и шапку.

С вещами в руках, сжав кулаки, Кылбанов крикнул в дверь:

— Ну, берегись, Аласов! Вот теперь-то ты пропал наверняка!